

**Е**сли мы все-таки говорим о перестройке в области культуры, литературы, то, пожалуй, прежде всего должны научиться говорить друг другу правду. Я имею в виду неприятную правду, потому что с правдой приятной, похвалами и восторгами еще никто не встречал затруднений. Иными словами, надо на деле усвоить уроки правды, которые даны нам XXVII съездом КПСС.

В литературной критике неприятную правду не говорили в глаза давно или говорили по выбору тем, кто побеззащитнее — ни в редакции не работает, ни кресла в Союзе писателей не занимает. Писатели, получившие достаточную известность, изданные, переизданные, к этому состоянию привыкли и даже воспринимали как смертную обиду и покушение на законное свое достояние робкие попытки вызвать сомнение в достоинствах очередного их труда. Так возникла неприкасаемость литературных имен, своего рода кастовость, охранявшая порою не только подлинность, но и дутые репутации.

Но сегодня хочется говорить не о дутых репутациях — в конце концов бог с ними, глядишь, они и сами отойдут в тень. А о праве на критику, то есть серьезный и требовательный разбор писателей, признанных за заслуги. В сравнительно недавние времена критика была скována еще и потому, что последствия сурового разбора вели, случалось, к неприятным практическим выводам: раскритикованного писателя надолго переставали печатать, иногда даже и упоминать. Сейчас ситуация меняется, но следы, метки от старого страха остались. Не оттого ли, на словах требуя самой строгой и нелицеприятной критики, писатели, ставшие объектом ее внимания, поглядывают на критика с опаской.

Да, талант — национальное достояние, как пашня и реки. Надо беречь его и холить, мы с талантливыми людьми обходились порой грубовато. Но если талант сам начинает не щадить себя — об этом тоже надо сказать вслух.

В математике существует понятие: «выделенная точка». Такими выделенными точками в море издаваемых книг давно уже стали для меня, как и для большинства читателей, книги Чингиза Айтматова. Что бы ни писал этот автор — равно как и Астафьев, Быков, Белов, Распутин — всегда: это надо читать.

Поведем речь о двух романах, появившихся в журнальной периодике — «Плаха» («Новый мир», 1986, № 6, 8, 9) и «Все впереди» («Наш современник», 1986, № 7, 8). Они привлекли заметное внимание и отразили, как представляется, сложность и противоречивость современных литературных и общественных процессов.

Новый роман автора «Джамили» и «Белого парохода», «Прощай, Гульсары!» и «Буранный полустанок» открывали с нетерпением и жадностью. Есть особый художественный мир, который мы привычно соединяем с именем Айтматова. Среднеазиатские степные просторы и горы Киргизии, запах трав, повадки зверей, древние восточные обряды и обычаи, мифы и легенды, простые и цельные люди, хитрость и жестокость рядом с непосредственностью и величием души, власть тысячелетних традиций и вторжение самоновейшей новизны. И все это в восприятии современного, изощренного в своем духовном опыте писателя — оттого его

поэтическая вселенная расширяется до масштаба всей страны и всего мира. Художник Айтматов еще и мыслитель, интеллект-уал.

Скажу сразу: новый роман «Плаха» я читал, словно ехал с горы на горку, то радостно восхищаясь горизонтами автора, то огорчаясь за него, даже досадуя. Роман позволил нам пережить, при последовательном чтении, все перепады читательских эмоций. Восхищение начальной сценой — описанием степной волчицы Акбары и ее супруга крутолобого Ташчайнара; затем сильная сцена расстрела стада сайгаков с автомашин шальными охотниками; интересно намеченная поездка юных «гонцов» за наркотиками... Правда, в главном герое Авдии Калистратове

даже Евангелие лежит на земле нового мессии, который принесет людям не Страшный суд, но избавление от бедствий войны и страха.

Намерения Айтматова были величавы. Потребность в сознании себя, в соотношении с миром и жизнью всех других людей, соотношении с понятиями добра и нравственного закона — это не просто крупная задача, но крупнейшая. Отсюда и вероиспытание главного героя.

Уважение вызывают всякие поиски на неизведанном пути. И Айтматов идет именно такой, крупной и властной поступью, заставляя вспомнить отчасти роман Достоевского «Идиот» с таким героем, как князь Мышкин. Но того, кто рискует, не всегда ждет успех.

Мы вместе с человеческим детенышем выводим нас напоследок к крупной мысли — природа мстит человеку за ее уничтожение.

Не все, быть может, было совершенно и в предыдущем романе Айтматова «Буранный полустанок». Но это была выношенная, выстраданная, значительная для всей литературы вещь, роман-веха. Этого нельзя сказать о «Плахе». Здесь, напротив, можно говорить об удаче отдельных сцен, образов, страниц, но, к искреннему сожалению, приходится сказать, что роман, с журнальным вариантом которого мы познакомились, оказался беднее своего замысла.

Да и способ рассказа автора, его слог на этот раз часто гре-

**В**АСИЛИЙ БЕЛОВ, наряду с Айтматовым, — из числа писателей, к искренним почитателям которых я привык причислять и себя. Незабываемый Иван Африканович в «Привычном деле», «Плотничьи рассказы», роман «Кануны», к сожалению, оставленный автором на полдороге, — эти книги были в свое время событием в литературной жизни, горячо обсуждались, вызвали восхищение силой знания народной среды, яркостью языка, зрелостью таланта автора. Может ли оставить равнодушным новая книга такого писателя?

В романе «Все впереди» Белов не скрывает того, что он воинствующий архаист. Тот, что он не склонен бежать за любой новизной, есть нечто симпатичное, во всяком случае для меня. Но, к сожалению, глубина его обличений в большинстве случаев — это глубина мелкой тарелки. Объектом пламенного, «кавакумовского» негодования или иронии героев Белова становятся московские экстрасенсы, вьетнамская мазь, породистые собаки, масоны, лесбиянки, гипнотизеры, компьютеры, кибернетические программы, патологоанатомические вскрытия, развлекательные программы телевидения, виски «Белая лошадь», духи фирмы «Нина Ричи», рок-н-ролл, романы Юлиана Семенова, книга «Аз и Я», ислам, иудаизм, гегельянство, диссидентство, лимитчики, экскурсоводы, стриптизы... Я перечислил далеко не все.

Если не давать воли изумлению и попытаться найти хорошие черты в романе «Все впереди», можно сказать, что временами в этой книге попадаются точные психологические детали, более или менее остроумные наблюдения, живые, узнаваемые приметы городского быта и семейного обихода. По ходу повествования автор или его герои высказывают дельные соображения об избытке отраслевых праздничных «дней» в нашем календаре и о том, кто первым предложил ввести президиум на собраниях, о нехватке туалетной бумаги и сомнительном изобретении наволочек без пуговиц.

Но замечательный знаток Тимоники, благородный заступник русского Севера, преемственный писатель Василий Белов уже в замысле вступил, как мне кажется, на ложную тропу. Не могу сказать, чтобы для социальной критики, прозвучавшей в новом его романе, совсем не было оснований, что она возникла на пустом месте. Мне, как и Белову, не нравятся некоторые из особенностей новейшей цивилизации, да и стиль поведения современной женщины не всегда вызывает мой восторг. Но найдена ли автором на все это какая-то более высокая точка зрения?

За границами нового романа осталось то, что писатель действительно любит: природа, деревня, сельские жители. Конечно, теоретически говоря, книга может быть построена и на том, что не близко писателю, что он осуждает. Но тогда автор должен по меньшей мере убедить нас, что презрение его не напрасно, а негодование внушено высшей справедливостью. Иначе уровень спора таков, что все филиппики бьют мимо цели и делают до досады беззащитным самого автора.

О романе «Все впереди» уже писали, выстраивая бегло очерченный литературный ряд, что побудило некоторых читателей упрекать критику в пристрастности. Тем более стоит в этом разобратся.

**В. ЛАКШИН.**

(Окончание следует).

# ПО ПРАВДЕ ГО ВОРЯ...

## РОМАНЫ, О КОТОРЫХ СПОРЯТ

уже поначалу чувствовалось что-то недодуманное, условное, но оставалась надежда, что автор поправит это следующей частью. Однако здесь-то и ожидало разочарование. Словесный турнир-поединок Авдия с главными «гонцами» бандитом Гришаном и затем второй поединок, в двухтысячелетней дали, Понтия Пилата с Иисусом Христом, которые должны были бы стать, по всему, духовными вершинами романа, принесли разочарование. Уже сброшенного однажды с поезда Авдия распинают на дереве терновника: герой трагично и преждевременно исчезает со страниц романа. И лишь третья часть, где, как после спуска в долину из горной области духа, Айтматов вновь стал живописать своих современников, колхозного чабана и парторга, нынешние социальные конфликты, внесла хоть и более привычную, но зато и безупречную для автора ноту: это он знает, любит и пишет хорошо. Конец же — с гибелью семьи волков, заодно с похищенным ими человеческим детенышем, снова показал нам хватку большого художника.

Итак, в романе много тем и пластов, которые писатель почти искусственно, методом склейки, или, говоря научнее, «коллаг», связал воедино. Если же попытаться выделить самое яркое и новое, то прежде всего, пожалуй, надо сказать о теме наркотиков — не как материале уголовной хроники и газетного репортажа, а как теме опасного духовного вакуума. Тот же духовный вакуум тревожит писателя, когда он изображает приспособленцев или бандитов с карабинами, убивающих живую природу, расстреливающих с борта грузовика мирно пасущихся сайгаков ради выполнения плана по мясу.

В поисках того, что можно этому противопоставить, Айтматов выдвигает неожиданную для нашей литературы фигуру Авдия Калистратова — недоучившегося семинариста, изгнанного за «новомыслие», духовные искания вне официальной церкви. Авдий едет вместе с «гонимыми» за анашой, испытывая на них силу своей моральной проповеди. Самобытный религиозный искатель, он как бы по-своему перечиты-

Авдий — лицо бесплотное, зыбкое да к тому же в «новомыслии» его есть привкус банальности, философско-религиозного дилетантизма. Слов нет, он чуток и совестлив до предела и как бы принимает на себя все токи жизни. Но сделать его фигуру достаточно убедительной и интеллектуально мощной автору не удалось.

Я понимаю тревожную мысль писателя. Человек того рода, что называли когда-то «перекати-поле», выломавшийся из всех привычных социальных связей, Авдий интересен как симптом, как знак беспокойства о существующей среди его сверстников духовной неутоленности, замена которой алкоголь, наркотики или что-то похуже. К сожалению, в романе он иллюзорен как лицо и неубедителен как искатель новых мыслей. Не говорю уж о таких подробностях, как то, что недавний семинарист становится борцом с наркотиками по заданию комсомольской газеты, — такие малоправдоподобные детали сильно подтачивают веру в образ. Столь же условно и принужденно описана внезапная любовь героя к Инге Федоровне, случайно встреченной им девушке на мотоцикле, оказавшейся ученым по наркотикам да еще с несложившейся личной жизнью. Особенно же слабы, на мой взгляд, сделанные вослед Булгакову или в соперничестве с ним сцены поединка Иисуса Христа с Понтием Пилатом.

Роман построен с почти демонстративной небрежностью архитектуры. Форма его свободна, композиция причудлива, что, впрочем, при снисходительной критике можно принять за свободу от канонов жанра. Может быть, может быть... Но, откровенно говоря, я предпочел бы, чтобы главным героем не исчезал со страниц книги на полпути, а последняя часть не напоминала бы автономную повесть. Хорошо еще, что в конце романа возникла заявленная на первых страницах и чудесно написанная пара волков. Акбара — может быть, лучший характер книги, и какое точное поэтическое воображение подсказало Айтматову сделать ее синеглазой! От этих страниц трудно оторваться, да и гибель волчи-

шат приблизительно: газетные штампы, высокопарная моральная дидактика причудливо сочетаются с просторечием бытового языка. Пошловатые житейские присловья: «с тобой все ясно», «явился не запыхавшись», «на полном серьезе» соседствуют с расхожими трюизмами: «...как необходимы подчас человеку людские заботы и внимание», «...не в том ли магия любви — в обоюдном стремлении друг к другу...», «твоя теория на практике ничего не дает» и т. п. Носитель нового сознания Авдий Калистратов склонен к употреблению общих мест: «высокие порывы в борьбе со злом» или «счастье свое я вижу в том, чтобы быть ей полезным и нужным». Некоторые же фразы заставляют просто растеряться: Авдий «позволял себе в благих порывах волонтеризм по отношению к истории — концепции Страшного суда над миром...» Или: «...материя бытия брала идеалиста Калистратова за горло». Или, наконец: «...не позволяй нам оправданий искать себе (?) в сомкнутости добра и зла на свете». И это художественная проза?

Особенно поражают такие суждения, как уже отмечал С. Аверинцев, в применении к лицам легендарной древности. В предвидении крестной муки Иисус говорит Богородице: «Прости и прощай, мама! А жалеть, что крокодила того я так и не схватил за хвост». Или еще: «Как же ты жила все эти годы, мама родная?» А супруга Понтия Пилата обращается к нему в письме в стиле современной домработницы: «Не делай этого, Понтий! Давеча, когда его вела стража, я видела, какой он красивый, ну, прямо молодой бог...» Такой способ переложения Евангелия — почти безвкусица.

Все это тем досаднее, что когда Айтматов в том же романе берется за описание того, что он знает и любит, что лично пережил и выстрадал, — у него находятся все слова и краски, делающие нас завоороженными его слушателями, как, например, в описании волчьего логова или холодеющей осенней степи, или бешеной скачки на лошади наглеца Базарбая...